

Р А З С К А З Ъ

бывшаго у.-о. Апшеронскаго полка Самойлы Рябова о своей боевой службѣ на Кавказѣ ¹⁾).

Поступленіе на службу. Устройство въ 1835 году переправы черезъ Сулакъ и возведеніе укрѣпленія, названнаго потомъ Евгеніевскимъ. Зимній походъ 1836 года въ Чечню. Занятіе Аваріи. Ахульго. Защита и гибель въ 1843 году цатаныхскаго укрѣпленія. Плѣнь у горцевъ. Побѣда. Безрочный отпускъ. Въ отставкѣ.

Въ службу вступилъ я по рекрутской очереди въ 1833 году, 20-ти лѣтъ, изъ удѣльныхъ крестьянъ деревни Семикиной моршанскаго уѣзда тамбовской губерніи. Нѣтъ надобности рассказывать сколько горя вынесено, сколько слезъ пролито въ семействѣ при отпращиваніи меня на сдачу въ рекруты, въ губернскій городъ. Плачь семьи, плачь всей деревни, провожавшей меня, точно на тотъ свѣтъ, до сихъ поръ памятны мнѣ. Неутѣшная мать (отца у меня уже не было въ живыхъ въ то время), благословляя меня въ послѣдній разъ,

¹⁾ Печатаемая рукопись была представлена Его Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу над. сов. Державинимъ, въ 1880 году, при слѣдующемъ письмѣ:

„Ваше Императорское Высочество Всемилостивѣйшій Государь, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Выпавъ перѣдко по дѣламъ службы въ городѣ Ставрополѣ, каждый разъ я останавливаюсь въ скромномъ домикѣ одиноко проживающихъ стариковъ Рябовыхъ. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что старикъ-хозяинъ, отставной вахтеръ Рябовъ, оказался моимъ землякомъ, тамбовцемъ, цевольнымъ образомъ сблизилъ меня съ нимъ, и, въ свободныя минуты болтая о быломъ и настоящемъ, вынудили коснуться исторіи его службы и вообще всей жизни, которая немало заключаетъ въ себѣ трагическаго и занимательнаго. Записавъ любопытный рассказъ Рябова хотя и неискусною въ литературномъ отношеніи рукою, тѣмъ не менѣе я принялъ смѣлость повергнуть его на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Высочества, не соблаговолите ли эту скромную ленту Рябова вложить, на память потомству, въ созданную Вами богатую сокровищницу событій Кавказской войны—Кавказскій Сборникъ; тѣмъ болѣе,

не забыла, однако, сказать: „ну, дитятко, коли Богъ привелъ тебя служить Царю, служи ему вѣрою и правдою, и надѣйся на Бога—Онъ тебя не оставитъ.“ Эти слова доселѣ въ моей памяти, и они-то были для меня спасеніемъ въ тяжкія, безнадежныя минуты жизни.

По поступленіи въ рекруты, меня прямо отправили на Кавказъ и зачислили въ Апшеронскій пѣхотный полкъ, находившійся первоначально въ г. Кубѣ и переведенный потомъ въ аулъ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ еще только начинала устраниваться крѣпость. Служба, слава Богу, далась мнѣ скоро и безъ особаго даже труда, такъ что лично за себя я ни розгами, ни палками ни разу не былъ наказанъ во всю мою службу, ну а за тычками и зуботычинами въ то время не гонялись—безъ этого, казалось и намъ самимъ, обойтись нельзя было. Едва прибылъ полкъ нашъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, какъ лѣтомъ 1835 года направленъ былъ, подъ командою генерала Клугенау, къ рѣкѣ Сулаку для устройства переправы. Горцы съ такою яростью ночью напали на нашъ отрядъ, что успѣли было отхватить у насъ два орудія, которые только послѣ двухдневнаго жаркаго боя удалось намъ взять назадъ. Въ этомъ дѣлѣ лишился я лучшаго своего товарища и друга, рядового Тимофея Ивановича Иванова, съ которымъ, какъ сверстникомъ, я не только дѣлилъ и радость, и горе, но и

что рассказанный Рябовымъ разгромъ Шамилемъ укрѣпленія Цатаныхъ и геройская смерть защитниковъ оного, не оставивъ за собою, по словамъ Рябова, ни одного свидѣтеля изъ русскихъ, кромѣ его одного, едва ли не ускользнулъ совершенно отъ зоркаго вниманія исторіи.

Не ища никакого вознагражденія за свой ничтожный трудъ, кромѣ полученія пятидесяти экземпляровъ своей статьи въ печати, если она только будетъ того удостоена, я сочту себя счастливымъ и вполне вознагражденнымъ, если успѣю обратить благосклонное вниманіе Вашего Императорскаго Высочества и публики на скромный, но тѣмъ не менѣе тяжелый подвигъ Рябова для пользы отечества.

Вашего Императорскаго Высочества всенекоривѣйшій слуга надворный совѣтникъ *Андрей Васильевъ Державинъ*, чиновникъ порученій тамбовскаго вещевого склада. 17-го августа 1880 года.

Рассказъ Рябова дополняетъ крайне скудныя и отчасти разнорѣчивыя свѣдѣнія о геройской гибели Цатаныхъ. О паденіи этого укрѣпленія см. VI т. „Кавказскаго Сборника“—„1843 годъ на Кавказѣ“ и соч. Околыничаго—„Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ“.

Ред.

спалъ даже на одной кровати; онъ убитъ былъ наповаль при ночномъ нападеніи горцевъ. Устроивъ на р. Сулакѣ укрѣпленіе, названное впоследствии Евгеніевскимъ, и оставивъ въ немъ наблюдательный постъ въ количествѣ одной роты, полкъ отступилъ на постоянную квартиру въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Въ 1836 году, подъ командою генерала Фези, полкъ нашъ направился въ Чечню, гдѣ и занять былъ всю зиму усмирениемъ взбунтовавшихся ауловъ. Я не буду распространяться о трудности этого похода, скажу только, что походъ этотъ былъ зимою, по горамъ, гдѣ то снѣгъ поколѣно вверху, то дождь и слякоть въ долинахъ, то двадцатиградусный морозъ на высотѣ, то жаръ и духота въ оврагахъ и ущельяхъ по очереди мѣнялись. Не столько погибло народу отъ сабель и пуль вражьихъ, сколько отъ холода и другихъ невзгодъ. Выбьется человѣкъ изъ силъ въ походѣ, за нимъ ухаживать и заботиться некому: ружье, сумку и пуговицы долой—и оставайся какъ знаешь. Обозовъ съ нами никакихъ не было: кое-что на вьюкахъ, кое-что на себѣ—вотъ и все; о санитарномъ устройствѣ, вродѣ нынѣшнихъ походовъ, мы и представить себѣ ничего не умѣли. Многіе отстававшіе отдыхали и опять успѣвали нагонять свой отрядъ на почевкахъ и дневкахъ, но большинство, конечно, совсѣмъ пропало, погибая холодною и голодною смертію или доставаясь въ руки непріятеля.

Едва успѣли мы отдохнуть отъ чеченскаго похода, какъ чрезъ два мѣсяца полкъ нашъ направленъ былъ въ Аварію, въ защиту владѣній вдовой ханши, въ крѣпость Хунзахъ, гдѣ баталіонъ, въ которомъ я находился, и оставленъ былъ до 1839 года. При выстуПЛеніи оттуда обратно въ Темиръ-Ханъ-Шуру, я 24 дня находился въ сторожевой цѣпи, вплоть до прибытія на мѣсто, и, несмотря на частыя мелкія стычки съ непріателемъ, остался цѣлъ и невредимъ.

По прибытіи въ Шуру, три баталіона нашего полка отправлены были въ отрядъ генерала Граббе подъ укрѣпленный

замокъ Ахульго, по взятіи котораго со всёмъ сконищемъ Шамиля отрядъ нашъ возвратился обратно въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Удивительно какъ изъ этого, со всёхъ сторонъ охваченнаго нашими войсками замка, бѣжалъ самъ Шамиль и тѣмъ избѣгъ русскаго плѣна. Сознавая свое безвыходное положеніе, онъ пожелалъ открыть съ нами переговоры, которые и уполномоченъ былъ вести съ нимъ полковникъ Куринскаго полка Пулло, какъ хорошо знающій татарскій языкъ. Переговоры, веденные на открытой для всего нашего войска мѣстности, подъ охраною одинаковаго съ шамилевымъ отряда, съ ружьями наперевѣсъ, неизвѣстно чѣмъ закончились; только, судя по тому, что дѣйствія нашего отряда не измѣнились, мы поняли, что они были безуспѣшны. Между тѣмъ съ начала оцѣпленія замка 11-й и 12-й ротамъ нашего Аншеронскаго полка, изъ коихъ въ первой состоялъ и я, досталось охранять единственный выходъ изъ замка чрезъ протекающую изъ ущелья быструю рѣку. Послѣ же переговоровъ наши двѣ роты отведены были съ этой позиціи въ главный отрядъ, а ихъ мѣсто занято было двумя ротами Куринскаго полка, подъ командою родного брата полковника Пулло, капитана Пулло, и эти-то роты, неизвѣстно какъ, упустили изъ замка самого Шамиля съ нѣсколькими приближенными его, которые въ ночное время, проплывъ на плоту сквозъ ряды разставленнаго караула, скрылись въ ближайшемъ лѣсу. Поднятая вслѣдъ за тѣмъ тревога и погоня не могли уже исправить дѣла. Слава Богу, что такую горькую чашу досталось испытать не нашему полку, слава котораго не только ничѣмъ не омрачилась въ этомъ дѣлѣ, но при послѣдовавшемъ затѣмъ штурмѣ замка, въ отчаянномъ приступѣ къ самой башнѣ Ахульго, въ которомъ изъ 500 человѣкъ нашего полка легло на мѣстѣ 300 человѣкъ, еще ярче заблистала. Какъ участникъ этого приступа, я удостоенъ былъ знака ордена св. Георгія за № 74554, оставшись, благодареніе Богу, совершенно цѣлъ и невредимъ.

По окончаніи этого похода, въ 1840, 1841, 1842 и 1843 годахъ я находился въ учебной командѣ своего полка, гдѣ и произведенъ, при самомъ поступленіи въ нее, въ унтеръ-офицеры, а въ августѣ 1843 года снова возвращенъ въ прежнюю свою 11-ю роту 4-го баталіона. Недѣли чрезъ двѣ послѣ этого полкъ нашъ, подъ командою генерала Клугенау, направленъ былъ, въ отрядѣ 5000 человекъ, для защиты аула и вновь возводимого укрѣпленія Цатаныхъ, противъ громадныхъ скопищъ Шамиля, численностью до 16000. Убѣдившись ли въ невозможности съ своимъ отрядомъ противостоятъ силамъ горцевъ или по какимъ другимъ соображеніямъ и причинамъ, генералъ Клугенау задумалъ отступить изъ аула и укрѣпленія, оставивъ въ немъ для защиты только одну нашу роту, въ 170 человекъ, при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ ротнаго моего командира капитана Дементьева. Встревоженные такимъ намѣреніемъ генерала, аульные старшины просили его остаться, угрожали даже не выпустить отъ себя и доказывали, что съ помощью ихъ аула, въ которомъ считалось до 6-ти тысячъ душъ, онъ въ состояніи отразить силы непріятеля. Генералъ старался убѣдить ихъ, что онъ не совсѣмъ оставляетъ аулъ, а дѣлаетъ только маневръ, чтобы удобнѣе напасть на Шамиля, и въ доказательство указывалъ на оставляемый нашъ отрядъ, а также на кавалерійскій отрядъ, не помню какого-то полковника, въ 50 человекъ, приказавъ ему, для большаго увѣренія и успокоенія жителей даже разсѣдлатъ лошадей. Но едва только смерклось, какъ кавалерійскій отрядъ ускакалъ вслѣдъ за выступившими войсками генерала. Такимъ образомъ оставленъ былъ въ Цатаныхъ на видимую жертву небольшой отрядъ, съ приказаніемъ держаться до послѣдней крайности и съ обѣщаніемъ возвратиться на выручку съ пополненнымъ будто бы отрядомъ своимъ, тогда какъ всѣмъ извѣстно было, что пополнять отрядъ генералу Клугенау и неоткуда, и нечѣмъ. Сознавая безвыходность

своего положенія, опытный въ бояхъ кавказской войны, ротный командиръ нашъ, добившійся своего положенія изъ простыхъ солдатъ, притомъ еще изъ мордвы, единственно своими подвигами и заслугами, на другой день все усилія употребилъ на то, чтобы склонить аульныхъ старшинъ вмѣстѣ защищаться противъ нападенія скопищъ Шамиля, но, при очевидной невозможности противодѣйствія, конечно, безуспѣшно. Избравъ мѣстомъ своей защиты командующую надъ ауломъ мѣстность, окруженную съ трехъ сторонъ крутыми обрывами, а съ четвертой двухъ-этажными саклями, и расположивъ все части своего небольшого отряда, а также оставленные намъ съ однимъ только фейерверкеромъ два артилерійскія орудія, и указавъ каждой части свое мѣсто и обязанности, капитанъ Дементьевъ объявилъ открыто всемъ, что надежды на спасеніе нѣтъ, что нужно по крайней мѣрѣ позаботиться съ честью и не даромъ сложить свои головы. Преданные до самоотверженія своему любимому начальнику, мы все рѣшились биться до послѣдней крайности и всемъ до одного умереть, но не сдаваться. Едва минулъ полдень, какъ на окружающихъ аулъ высотахъ, въ трехъ мѣстахъ, появилось 124 сотенныхъ значка Шамиля. Видя невозможность сопротивляться Шамилю, старшины аула, одинъ за другимъ, потянулись къ нему въ ставку съ хлѣбомъ-солью и съ изъясненіемъ полной покорности. Велѣдъ затѣмъ войска Шамиля, вступивъ въ аулъ и размѣстившись въ немъ, открыли сначала артилерійскій огонь по нашему укрѣпленію съ горъ, а затѣмъ ружейный изъ саклей и другихъ ближайшихъ прикрытій. Отвѣтивъ сначала тремя разрывными гранатами, капитанъ Дементьевъ, чтобы устранить возможность ближайшаго подступа съ ружейнымъ огнемъ къ своему укрѣпленію, распорядился направить орудійные выстрѣлы на ближайшія сакли и старался ихъ превратить въ груды развалинъ, въ чемъ въ продолженіи вечера и ночи достаточно успѣлъ, нанеся притомъ, какъ я слышалъ послѣ, въ

плѣну, отъ своего хозяина, находившагося въ отрядѣ Шамиля, значительный уронъ горцамъ, будто бы тысячи до полуторы, ибо сложенные непрочно изъ дикаго камня сакли, разруша-ясь легко отъ орудійныхъ выстрѣловъ, много подавили наро-да своими развалинами, особенно ночью, во время сна.

Но какъ ни разумна и какъ ни успѣшна была защита осажденныхъ, конецъ—неизбѣжная гибель наша—былъ очеви-денъ, и надежды на спасеніе—никакой. Съ вечера 4-го сен-тября одинъ лазутчикъ, изъ преданныхъ капитану Дементье-ву горцевъ, пробравшись къ намъ въ укрѣпленіе, общалъ поздно ночью опять проползти къ намъ и принести подроб-ныя свѣдѣнія о силахъ и намѣреніи Шамиля. И дѣйствитель-но, поздно ночью горецъ этотъ подползъ какъ разъ къ моему посту и былъ препровожденъ къ капитану, которому и объ-явилъ, что Шамиль приказалъ на утро укрѣпленіе взять во что бы ни стало, а гарнизонъ весь безъ остатка истребить. Онъ разсвирѣйлъ, во-первыхъ, за упорную защиту и весьма зна-чительный нанесенный ему уронъ и, во-вторыхъ, за то, что когда днемъ 4-го сентября приходилъ отъ него лазутчикъ съ подложнымъ, будто бы отъ генерала Клугенау, предписаніемъ держаться намъ по возможности, одинъ находившійся въ на-шемъ отрядѣ въ качествѣ субалтернъ-офицера капитанъ, Ида-новъ, будучи постоянно въ возбужденномъ состояніи отъ го-рячихъ напитковъ, позволилъ себѣ обругать Шамиля самымъ оскорбительнымъ для татарина словомъ „донгузъ“ (свинья), о чемъ, конечно, лазутчикъ непреминулъ передать Шамилю, и немудрено, что съ разными преувеличеніями и прикрасами.

Еще съ разсвѣтомъ 4-го сентября оказалось, что разру-шеніемъ артилерійскими выстрѣлами ближайшихъ къ укрѣп-ленію саклей аула подступъ осаждающимъ значительно былъ затрудненъ; но успѣхъ этотъ не могъ увеличить надежды осаждаемыхъ. Со всѣхъ окружающихъ укрѣпленіе высотъ и со всѣхъ другихъ сторонъ горцы открыли сильный артиле-

рійскій и ружейный огонь. Не имѣя хорошей защиты и прикрываясь кое-чѣмъ и кое-какъ, малочисленный отрядъ нашъ быстро исчезалъ. Всѣ субалтернъ-офицеры и докторъ были убиты или тяжело ранены, а самъ капитанъ Дементьевъ былъ раненъ еще въ первый день, 3-го сентября, въ ногу, но, не обращая вниманія на эту рану, оставался на своемъ мѣстѣ, дѣйствуя и распоряжаясь, какъ совершенно здоровый, даже безъ перевязки, не показывая и вида страданія. Изъ порученныхъ въ личное мое распоряженіе 25-ти человѣкъ къ вечеру 4-го сентября оставалось только 5—6 человѣкъ; прочіе всѣ были убиты или тяжело ранены; такой же уронъ былъ и во всѣхъ другихъ частяхъ нашего отряда. У одного изъ двухъ орудій подбито было колесо и оно дѣйствовало кое-какъ уже на подставкѣ, прислоненное къ стѣнѣ. Несмотря, однако, на такой уронъ, дѣло защиты укрѣпленія велось съ такимъ рвеніемъ, что ни одинъ горецъ не покушался еще въ этотъ день на штурмъ, и всѣ скопища Шамиля держались на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ укрѣпленія. Но и горцы, въ свою очередь, разрушивъ артилерійскимъ огнемъ двѣ самыя ближайшія къ намъ сакли, служившія защитой для насъ съ подходной къ укрѣпленію стороны, открыли тѣмъ самымъ для себя, наконецъ, подступъ для штурма. Засѣвъ съ ночи подъ защитой развалинъ, они съ разсвѣтомъ 5-го сентября яростно начали лѣзть на укрѣпленіе, но и тутъ, подъ градомъ ружейныхъ пуль и артилерійскихъ выстрѣловъ, слабый отрядъ нашъ успѣвалъ еще долго отражать штурмовыя нападенія. Помню какъ два сильныхъ горца, взобравшись на укрѣпленіе, свирѣпо напали на капитана Дементьева, въ которомъ всѣ мы души нечаяли. Въ эту страшную для всѣхъ минуту я мигомъ подлетѣлъ къ командиру и всадилъ въ одного изъ нападающихъ штыкъ; другого сразилъ самъ Дементьевъ, человѣкъ богатырскаго роста и силы. Осмотрѣвшись кругомъ, капитанъ приказалъ мнѣ не

отходить болѣе отъ себя, такъ какъ около него никого уже не оставалось изъ унтеръ-офицеровъ—всѣ были перебиты. Часовъ около одиннадцати дошла, наконецъ, очередь и до меня: я пораженъ былъ въ правую ногу выше колѣна двумя ружейными выстрѣлами, изъ коихъ однимъ навылеть подъ берцовую кость, а другимъ выше берцовой кости. Отправившись, съ разрѣшенія капитана, на перевязку къ оставшемуся еще въ живыхъ фельдшеру, я встрѣтилъ здѣсь тяжело раненаго прапорщика Волкова, который, на слова фельдшера, что бинтовъ для перевязки только осталось два—для его благородія—приказалъ этими бинтами перевязать мои раны. Окончивъ перевязку, я вернулся на свой постъ, поблизости капитана Дементьева, продолжая отстрѣливаться и отражать въ рукопашномъ бою постоянно усиливающейся штурмъ. Часовъ около четырехъ дня, когда изъ всей нашей команды оставалось въ дѣйствиіи уже не болѣе 15-ти человѣкъ собственно въ укрѣпленіи да особо, въ башнѣ, человѣкъ 10, капитанъ Дементьевъ, при сильномъ натискѣ горцевъ со всѣхъ сторонъ, былъ схваченъ въ свалкѣ съ двумя горцами. Бросившись къ нему на помощь, я получилъ отъ него приказаніе не защищаться и не стрѣлять болѣе, а спасаться какъ кто можетъ. До сихъ поръ не могу вспомнить безъ слезъ этого грустнаго разставанья съ своимъ дорогимъ командиромъ (Рябовъ при этомъ заплакалъ), строгимъ служакою, но за всѣмъ тѣмъ любимымъ подчиненными за его правдивость, знаніе своего дѣла и героизмъ въ бояхъ. Стройный высокій ростъ, мужественная осанка, неустрашимый взглядъ, твердая и громкая рѣчь, невольно внушали къ нему уваженіе cadaго. Самъ Шамиль, какъ рассказывалъ мнѣ послѣ хозяинъ моего плѣна, мюридъ Али, удивленъ былъ мужествомъ Дементьева. Когда, по взятіи укрѣпленія, взятъ былъ и боевой его конь, то, для издѣвательства ли и поруганія или дѣйствительно, какъ говорилъ Али, изъ желанія сохранить жизнь Дементьеву, несмотря на

клятву истребить всѣхъ осажденныхъ безъ остатка, а можетъ быть подѣ влияніемъ вѣры въ рокъ и волю Аллаха, Шамиль предложилъ Дементьеву проскакать на своемъ конѣ сквозь двухъ рядовъ разставленныхъ на извѣстномъ разстояніи, по четверо въ рядѣ, стрѣлковъ. Но въ первомъ же ряду Дементьевъ, на скаку, былъ убитъ наповаль. „Такъ вѣрно угодно было Аллаху,“ заключилъ свой рассказъ мюридъ Али.

Другой, доселѣ приводящій меня въ ужасъ и содроганіе случай былъ слѣдующій. Для помѣщенія раненныхъ отведенъ былъ верхній этажъ ближайшей сакли, имѣвшій полъ въ уровень съ площадкою укрѣпленія; въ нижнемъ этажѣ ся помѣщалось сѣно. Въ минуту взятія укрѣпленія варвары зажгли сѣно, отдѣленное отъ помѣщенія больныхъ тонкимъ деревяннымъ поломъ. До сихъ поръ, забывая всѣ страданія ранъ и плѣна, я слышу неистовый вопль несчастныхъ страдальцевъ. Такъ погибли брошенные на произволъ судьбы герои-защитники укрѣпленія Цатаныхъ, смертью мучениковъ!

Помня данное всѣми слово умереть, но не сдаваться, я пробовалъ послѣ взятія въ плѣнъ нашего командира примкнуть къ защитникамъ державшейся еще башни, но они заперлись въ ней и, рѣшась до послѣдняго лечь костями, не выпустили меня къ себѣ. Очутившись въ такомъ безцѣльномъ и бездѣятельномъ положеніи, я съ рядовымъ Субботинымъ рѣшился на послѣднее средство—бѣжать изъ укрѣпленія. Побросавъ ружья и сумки въ кручу, сначала спустились мы чрезъ находящуюся при укрѣпленіи водяную мельницу внизъ ея колесъ, а затѣмъ оттуда рѣшили прыгнуть въ кручу съ высоты 5-ти или 6-ти сажень. Мнѣ Богъ помогъ уцѣлѣть и спастись, а Субботину суждено было погибнуть. Я упалъ прямо ногами въ щебень, въ который ушелъ почти до колѣнъ, и, хотя подошвы сильно ушиблись, но все-таки могъ продолжать свое бѣгство далѣе; несчастный же Субботинъ, ударившись при паденіи поясицею о камень, совер-

шенно разбился и не могъ уже встать съ мѣста. Выбравшись въ оврагъ или, по мѣстному выраженію, въ балку, я продолжалъ по ней путь, но не прошелъ и четверти версты, какъ увидѣлъ двухъ горцевъ, перебиравшихся поперекъ балки, и прилегъ за скалистый уступъ. Они удалились—и я продолжалъ свое бѣгство по той же балкѣ, но опять повстрѣчалъ двухъ горцевъ, ведшихъ одного плѣннаго, оказавшагося, помню, рядовымъ 3-го линейнаго баталіона, фамиліи котораго теперь не припомню, но знаю, что онъ былъ изъ поляковъ, въ послѣдствіи, при размѣнѣ плѣнныхъ, былъ возвращенъ, но потомъ, будто, опять бѣжалъ къ горцамъ. Само собою разумѣется, встрѣтившіе меня горцы овладѣли и мною. Первымъ дѣломъ ихъ было снять съ меня сапоги, еще хорошіе и крѣпкіе; при этомъ, конечно, они не могли не замѣтить, что портянка на одной ногѣ въ крови, и спросили отчего кровь? Зная, что горцы имѣютъ правило не брать въ плѣнъ раненыхъ, а какъ безвыгодныхъ и бесполезныхъ для нихъ тотчасъ же убивать, я съ помощью нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ татарскихъ словъ и знаковъ сумѣлъ объяснить имъ, что у меня текла изъ носа кровь и какъ утерѣться было нечѣмъ, то я, разувши одну ногу, утиралъ себѣ носъ портянкою, отчего и самая нога въ крови. Удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, горцы повели насъ, обоихъ плѣнныхъ, далѣе чрезъ горы. Какъ ни силился я утаить мои раны при ходьбѣ, но нестерпимая боль выдавала меня, заставляя хромать. Замѣтивъ это, они опять ко мнѣ съ вопросомъ: „отчего хромаешь?“—„Отъ непривычки ходить босикомъ и въ особенности отъ колоти подъ ногами“, былъ мой отвѣтъ.—„А вотъ скоро мы тебѣ дадимъ и сапоги, погоди.“ Изъ этого отвѣта мнѣ показалось, что они хотятъ меня убить, потому что, кромѣ моихъ, гдѣ же, думаю, у нихъ могли быть еще сапоги, а моихъ они не отдаютъ; но, выбравшись на равнину, они дѣйствительно вынесли мнѣ изъ растущихъ по дорогѣ хлѣ-

бовъ разбитые солдатскіе сапоги, снятые, вѣроятно, съ какого нибудь убитаго, въ которые я и обулся. На мое счастье, сапоги оказались старыми, растоптанными, иначе я не могъ бы обути правой ноги, сильно уже отекавшей. Пройдя нѣсколько, они сѣли отдыхать. Опасаясь какъ бы нога не отекала больше и чрезъ то не остановила бы мнѣ совсѣмъ хода, я не садился, а ходилъ вокругъ нихъ.—„Отчего ты не сядешь, не отдохнешь?“ спрашиваютъ они меня.—„Да—говорю—дѣлаются схватки и корчи въ животѣ, который я сорвалъ, срыгнувши изъ укрѣпленія въ кручу“—и продолжалъ подхватывать животъ, показывая видъ, что въ немъ дѣйствительно дѣлаются корчи. Удовлетворившись и на этотъ разъ моимъ отвѣтомъ, они продолжали путь къ своему аулу, который отстоялъ отъ укрѣпленія Цатаныхъ верстъ на 5—6. По приходѣ въ аулъ, называемый Бетлети, саклей въ 100, все жители его сбѣжались смотрѣть на плѣнныхъ, изъявляя радость по случаю побѣды, а потомъ, налюбовавшись вдоволь, посадили меня на завальню сакли моего хозяина, мюрида Али, на долю котораго я по дѣлежу достался. Самъ Али ушелъ въ саклю, а оттуда вышелъ одинъ бѣжавшій русскій солдатъ, изъ казанскихъ татаръ, проживающій у нихъ уже болѣе 20-ти лѣтъ. Такъ какъ, кромѣ насъ двоихъ, никого не было, татаринъ этотъ прямо заговорилъ со мною порусски, сталъ соболѣзновать мнѣ и рассказалъ съ подробностью, кто онъ, откуда и какъ попалъ сюда. Оказалось, что, занимаясь лѣченіемъ, онъ не послѣднюю роль играетъ въ аулѣ. Выслушавъ рассказъ татарина, русскаго солдата, по имени Абдула, я обратился къ нему со слезами: „будь отецъ родной, спаси меня—я раненъ“.—„А-а!“—замахавъ головою и пожавъ плечами, сказалъ онъ —„ну хорошо, смотри же только: что бы съ тобою ни стали дѣлать, молчи, терпи, крѣпись, не кричи; иначе ты погибъ.“ Затѣмъ, какъ самъ онъ послѣ мнѣ рассказывалъ, войдя опять въ саклю, въ которой, кромѣ самого хозяина, никого уже

не было, обратился онъ къ нему съ такою рѣчью: „Послушай Али, я тебѣ дѣлалъ много одолженій, ни въ чемъ не отказывалъ, всегда дѣлилъ съ тобою всѣ опасности и труды, хаживалъ вмѣстѣ на разбой и воровство и не разъ тебя выручалъ изъ бѣды; сдѣлаешь ли ты для меня то, о чемъ я тебя буду просить?“ — „Сдѣлаю все,“ отвѣчалъ тотъ. — „Побожись!“ Тотъ поклялся ему Аллахомъ. — „Нѣтъ, не вѣрю, обманешь.“ Тогда Али беретъ маленькій кусочекъ земли и проглатываетъ при немъ — знакъ самой сильной клятвы, нарушить которую рѣдкій татаринъ рѣшится. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ исполненіи клятвы, Абдулъ объявилъ ему самую суть дѣла, что русскій плѣнникъ его — раненый. Извѣстіе это какъ громомъ ударило Али. Онъ пришелъ въ ярость на Абдула, отчего тотъ не сказалъ ему впередъ и вынудилъ обманомъ клятву, которой онъ никогда бы не далъ, закрипѣлъ даже зубами, а все же сказалъ: „теперь дѣлать нечего, надо русскаго лѣчить.“ Какъ ни старался уговорить и успокоить его Абдулъ, говоря ему, что рана не важная и не опасная, что русскій молодъ и здоровъ, что за всѣ траты онъ ему заработаетъ, Али долго кипѣлъ яростью, укоряя Абдула въ обманѣ, но, какъ бы то ни было, нарушить клятву не рѣшился. Осмотрѣвъ мои раны, Али сейчасъ же поручилъ Абдулу разбить свинцовую пулю и сдѣлать изъ нея иголку, величиною въ 3—4 вершка, заставивъ въ то же время варить пластырь изъ толченаго льняного сѣмени и яичнаго желтка; затѣмъ послалъ одного горца привести барана, который считается тамъ едва ли не дороже человѣка, а другого вырѣзать изъ хвоста лошади (въ аулѣ ихъ оказалось всего только двѣ) шесть волосъ и призвать еще четырехъ силачей. По изготовленіи всего этого, приступили къ лѣченію моихъ ранъ: растинули меня на землѣ, четверо силачей насѣли мнѣ на голову и на ноги, а самъ Али съ Абдуломъ начали производить операцію, которая первоначально заключалась въ томъ, чтобы

туною свинцевою иглою проткнуть ногу въ пораненомъ мѣстѣ и прoderнуть конскіе волосы. Боже мой, какія мученія я тутъ вытерпѣлъ! На бѣду мою, игла на пути своемъ встрѣтила сухую жилу, которую старались повернуть, и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій и хлопотъ достигли своего. Какъ ни мучительна была эта операція, но страхъ смерти, обѣщанной мнѣ при малѣйшемъ крикѣ, все превозмогъ: закусивъ зубами шинель, я не издалъ ни одного звука. Прoderнувъ волосы сквозь раны, меня подняли, посадили и заставили захватить руками съ обѣихъ сторонъ отверстія ранъ, изъ которыхъ кровь била фонтанами почти на цѣлый аршинъ. Потомъ залѣпили со всѣхъ сторонъ отверстія ранъ изготовленнымъ пластыремъ, завернули ногу въ сырую, теплую еще баранью овчину и, забинтовавъ ее натуго, оставили въ такомъ положеніи на три дня. Нога быстро отекала какъ бревно, но спустя сутки отекъ началъ проходить, а къ концу третьихъ сутокъ совсѣмъ спалъ. Разбинтовавъ ногу, передернувъ волосяную заволоку и выпустивъ накопившійся гной, раны опять залѣпили тѣмъ же пластыремъ и забинтовали уже трицкою. Такимъ способомъ Абдуль продолжалъ лѣченіе до конца, перемѣняя перевязку и пластырь по утру каждаго дня. Эти частыя сношенія сблизили меня съ Абдуломъ и послужили даже къ скрѣпленію между нами дружбы. Онъ уже давалъ мнѣ разныя наставленія какъ вести мнѣ себя, разъяснялъ возможность побѣга, приказывалъ мнѣ быть какъ можно веселѣе и показывать видъ довольства, даже радости, что я попалъ въ плѣнъ какъ бы изъ неволи. Такъ и старался я себя держать на виду у всѣхъ во все время плѣна.

По прошествіи трехъ недѣль, хозяинъ мой Али совсѣмъ было продалъ меня въ другой аулъ, верстѣ за 15, взявъ за меня ружье, барана и 10 рублей деньгами. Но, по просьбамъ благодѣтеля моего Абдула и настояніямъ своей матери, Али черезъ двое сутокъ опять пріѣхалъ за мною и возвратилъ

покупщику все взятое за меня. Я снова зажилъ у прежняго хозяина Али, у котораго и находился до дня моего побѣга. Не могу сказать ничего ни о жестокости обращенія со мною самого Али и его семейства, ни о скудости содержанія; пища была одинаковая съ его семействомъ и заключалась каждый день въ двухъ вареныхъ лепешкахъ изъ бобовъ или кукурузы и пшеницы съ чеснокомъ, всего—менѣе полуфунта. Находясь постоянно впроголодь, я старался пополнять недостатокъ пищи то сырыми бобами, росшими недалеко отъ сакли, то кукурузою, съ нуждою пережевывая ее. Дотащусь, бывало, въ полѣ до бобовъ, набью ими карманы панталонъ и шинели, спрячу въ сѣно, и понемногу потаскиваю оттуда и ѣмъ. Одинъ только разъ и былъ я накормленъ досыта, свареною кукурузою, и это какъ пельзя болѣе пришлось кстати—въ день моего побѣга изъ плѣна; иначе, не запасшись такимъ подкрѣпленіемъ пищи, я не вынесъ бы трехдневнаго голода во время бѣгства. Когда раны мои начали понемногу заживать, Али сталъ давать мнѣ работу. Въ первый разъ онъ послалъ меня съ своею матерью нарубить и принести по вязанкѣ дровъ. Указывая на больную ногу, я объяснилъ ему, что нарубить дровъ, пожалуй, нарублю, но донести съ больною ногою, на костыляхъ и по горамъ, никакъ не могу. Онъ отмѣнилъ это приказаніе и поручилъ только нарубить дровъ, а переносить ихъ изъ лѣса домой приказалъ матери. Потомъ началъ меня съ своими бабами посылать на полевые работы.

Чтобы усыпить какъ можно болѣе вниманіе хозяевъ, скрыть гнетущую меня тоску и уныніе и показать видъ довольства и веселости, я, отправляясь на работу, затягивалъ во всю ивановскую пѣсню—пѣть я былъ не послѣдній мастеръ, состоя полковымъ пѣсенникомъ. Ходившія со мною постоянно на работы мать и жена Али, возвратясь домой, каждый разъ рассказывали: „у, у, Василій (они обыкновенно каждого русскаго называютъ или Иваномъ, или Василіемъ, а ме-

ня почему-то послѣднимъ именемъ)—чагры, чагры, чохъ, чохъ чагры,“ т. е. „играетъ пѣсни, много, много играетъ пѣсни.“ Слушая этотъ разсказъ, Али улыбался и говаривалъ: „онъ радъ, что вырвался отъ русскихъ, гдѣ и быють, и чернымъ хлѣбомъ кормятъ—а у насъ хлѣбъ бѣлый.“ Затѣмъ Али, самъ мулла и старшины аула, замѣчая во мнѣ хорошее расположеніе духа и веселость, не разъ предлагали остаться у нихъ навсегда, принять ихъ вѣру и жениться, общая любую невѣсту въ аулѣ, даже съ огромнымъ, по ихъ понятіямъ, приданымъ—50 головъ баранты. Стараясь подлаживаться подъ нихъ, я отвѣчалъ, что радъ-радехонекъ, что вырвался изъ Россіи, гдѣ и быють, и хлѣбъ черный ѣдятъ, и что назадъ ни за что уже не вернусь—здѣсь хорошо жить, свобода, начальства нѣтъ, не быють и бѣлымъ хлѣбомъ кормятъ—но насчетъ перемѣны вѣры и женитьбы надо пообождать и прежде всего излѣчиться отъ ранъ, а то больному мѣнять вѣру и жениться неудобно. Отвѣты мои они находили разумными и оставались довольны. Однако, несмотря на веселый видъ, тоска по родинѣ страшно томила меня. Тотъ, конечно, не можетъ понять моего горя и мученія, кто самъ не испыталъ его. Находясь въ отечествѣ, на свободѣ, я и самъ не сознавалъ всей полноты этого счастья, какъ будто это и не есть счастье; а тамъ минуты не проходило безъ думы о томъ, что я узникъ и рабъ, что я не дома, не въ дорогомъ, миломъ отечествѣ. Почасту, бывало, сидя уныло на заваленкѣ сакли или подъ деревомъ, все смотришь на востокъ, въ родную сторону. Появится ли облако на небѣ съ той стороны, пролетитъ ли птица оттуда, все говоритъ тебѣ: это оттуда, съ милой сторонушки. А какъ станетъ невмоготу, то и заропщешь: зачѣмъ я спасался, бѣжалъ, отчего не убитъ при защитѣ Цатаныха, отчего не положилъ безпріютной головы своей вмѣстѣ съ товарищами? Особенно грустными казались дни воскресные и праздничные. Встанешь, бывало, рано утромъ и едва заслышишь унылое

завываніе муллы, какъ въ ту же минуту вспомнится воскресный звонъ колокола, церковное пѣніе, свѣчи передъ иконами... сердце заностъ отъ тоски и заплачешь. Такъ и воображаешь себя какимъ-то животнымъ, вродѣ пасущагося мула или осла, а не человѣкомъ. Настанетъ ли полдень, онъ опять напминаетъ тебѣ какъ въ это время молодые парни и дѣвушки въ деревнѣ выходятъ на улицу, идутъ хороводы и затѣваются игры; а то, собравшись гурьбою, съ кузовами за плечами, отправляются въ лѣсъ за грибами и ягодами, а вечеромъ забавляются у костровъ на берегу рѣки; или же вспомнишь какъ проводится время въ шуткахъ и забавахъ военныхъ, казарменныхъ, среди товарищества. Ничего такого нѣтъ у горцевъ. Не только дѣвицы, даже замужнія женщины безъ какой либо рабочей надобности не показываются изъ своей сакли, а, какъ рабочій скотъ, вѣчно заняты тяжелыми работами. Только и видишь однихъ стариковъ, которые сидятъ каждый на порогѣ своей сакли или на крышѣ, или же, собравшись и усѣвшись гдѣ нибудь въ кружокъ, играютъ большею частью въ молчанку, глубокомысленно строгая или вилы, или просто, безцѣльно, какую нибудь палочку. Ихъ окружаютъ ребятишки или молодые парни, глаза и любуются поясами и кинжалами, иногда довольно дорогими и богато украшенными въ серебро. Все это такъ монотонно и скучно, что если бы не ободрялъ меня время отъ времени землякъ Абдулъ, и самъ видимо тяготившійся своимъ добровольнымъ плѣномъ, надеждою побѣга, то едва ли бы могъ я вынести всю эту тоску и скуку, не наложивъ на себя рукъ. Одна только эта надежда и поддерживала меня. Пойду, бывало, къ своему земляку, другому плѣнному солдату, поляку, но и тутъ неудача: никогда ни задушевности, ни сочувствія въ немъ не встрѣтишь. Живя у богатаго хозяина и чуть ли не въ связи съ одною изъ двухъ женъ его, онъ какъ будто былъ даже очень доволенъ своимъ положеніемъ. Недаромъ татаринъ Абдулъ,

зная вездѣ все, не совѣтовалъ мнѣ сближаться съ этимъ плѣннымъ, въ особенности же наказывалъ глубоко таить отъ него задуманный побѣгъ. Пользуясь удобными минутами, Абдульдѣлалъ мнѣ наставленія, гдѣ и какъ бѣжать, показывая путь по направленію горъ и расположенію звѣздъ на военный нашъ постъ въ Гимрахъ, на рѣкѣ Сулакѣ. Какъ ни старался я усыпить вниманіе своихъ хозяевъ, все же не могъ добиться полного ихъ къ себѣ довѣрія; каждую ночь или самъ хозяинъ, или хозяйка, или мать его, оставляя меня въ саклѣ, ложились спать головою на порогѣ двери, дабы я не могъ выйти изъ сакли никѣмъ не замѣченнымъ. Чтобы постепенно подготовить ихъ къ продолжительному отсутствію моему изъ сакли, я не разъ выходилъ ночью наружу и оставался подолгу на открытомъ воздухѣ, жалуясь на разстройство желудка и говоря по ихнему: „курсакъ пропалъ.“

Одинъ разъ, именно 5-го ноября, когда самъ хозяинъ, вернувшись домой изъ похода съ Шамилемъ раненый въ руку осколкомъ гранаты, не могъ выходить изъ сакли, а жена его занята была приготовленіемъ къ ужину хинкала (родъ галушекъ изъ кукурузной, бобовой или пшеничной муки) и ей неудобно было оставлять безъ надзора кипящій котелъ, я вышелъ изъ сакли, чтобы загнать телка; потомъ вернулся назадъ и, извѣстивъ хозяевъ, что телокъ уже дома, въ хлѣвѣ, остался внѣ сакли подъ всегдашнимъ предлогомъ боли живота, а затѣмъ, съ помощью своихъ костылей—маршъ-маршъ, направился въ побѣгъ. Чтобы налегкахъ и безшумно бѣжать, я отправился босикомъ, съ сапогами подъ мышкой, а чтобы скрыть слѣды при выпавшемъ снѣгѣ, старался ступать по камнямъ, на которыхъ снѣгъ, тая скорѣе чѣмъ на землѣ, не держался. Проковылявъ версты полторы вверхъ балки, гдѣ не было уже возможности утаить слѣда отъ лежащаго густымъ слоемъ снѣга, я засѣлъ въ углубленіи, образованномъ водоминою. Едва только я это успѣлъ сдѣлать, какъ, слышу, по

всему аулу поднялись страшный гамъ и тревога. Самъ мулла, взобравшись на минаретъ мечети, сзывалъ аулъ и отдавалъ приказанія какой части аула по какой дорогѣ слѣдовать въ погоню. Вскорѣ, при довольно свѣтлой ночи, по отбѣнку на снѣгу, вижу, что двѣ партіи, по два человѣка съ ружьями на плечахъ, направляются прямо на меня, одна по одну сторону балки, другая по другую. Когда они подошли ближе и мнѣ показалось, что замѣтили меня, я уже хотѣлъ встать и выйти имъ навстрѣчу, но какою-то невидимою силою удержался. Въ ту минуту когда они поравнялись со мною, откуда ни возмись, спуганный заяцъ шарахнулся прямо чрезъ мое убѣжище. При моемъ тревожномъ состояніи онъ такъ напугалъ меня, что я, кажется, вскрикнулъ, даже довольно громко, и выскочилъ изъ своей засады. Къ счастью моему, ни крика, ни появленія моего наружу преслѣдователи мои не замѣтили. Я опять спрятался, а они, пройдя съ полверсты далѣе, начали кликать меня: „Василій, Василій, выходи, мы тебя отправимъ въ Шуру.“ Ладно, думаю, если Богъ поможетъ, я и самъ туда доберусь. Затѣмъ, сдѣлавъ три выстрѣла, горцы вернулись назадъ въ аулъ, тою же дорогою, мурлыкая пѣсни. Отдохнувъ и выждавъ время, я замѣтилъ множество огней въ аулѣ и догадался, что тамъ ищутъ меня—не спряталъ ли меня кто изъ жителей, такъ какъ съ больною ногою я далеко уйти не могъ и едва ли даже рѣшился бы на довольно далекій побѣгъ въ Россію. Вышедши изъ своего убѣжища и обувшись, я направился далѣе, держась указаннаго мнѣ татариномъ Абдуломъ направленія, въ мѣстности нѣсколько мнѣ знакомыя по прежнимъ походамъ 1837 и 1839 годовъ, когда не разъ доводилось мнѣ стеречь по горамъ и ущельямъ табуны казенныхъ лошадей. Продолжая путь гдѣ ползкомъ, гдѣ скатываясь въ кручи и овраги, а гдѣ цѣпляясь за траву, кусты и камни, я въ полуверстѣ отъ аула Унцукуля, памятнаго мнѣ по жаркой схваткѣ въ 1835 году съ горцами, въ

которой не мало легло съ ихъ и нашей стороны и въ которой сложилъ свою голову лучший другъ моей юности рядовой Тимофей Ивановичъ Ивановъ, повстрѣчалъ двухъ осѣдланныхъ эшаковъ. Страшно испугавшись какъ этой нечаянной встрѣчи, такъ и двукратно слышаннаго мною голоса: „постой, куда сѣдѣшишь?“—я подумалъ, что вблизи находятся горцы, которые, конечно, воспользуются мною, и потому считалъ уже все конченнымъ. Однако, опасенія мои миновали благополучно. Осмотрѣвшись кругомъ и пробираясь далѣе потихоньку съ замираніемъ сердечнымъ, я объяснилъ себѣ слышанный мною двукратный зовъ голосомъ убитаго на этомъ мѣстѣ Тимофея Ивановича и помянулъ его въ душѣ за упокой. На разсвѣтѣ я добрался до унцукульской балки, гдѣ и залегъ подъ одною выдавшеюся скалою. Пролежавъ цѣлый день и просушивъ на солнцѣ, которое прямо ударяло въ мое убѣжище, рубашку и шинель, промокшія до нитки, съ наступленіемъ ночи я отправился далѣе, по направленію къ извѣстному мнѣ военному посту Гимры, на рѣкѣ Сулакѣ. Къ полночи, не далеко отъ рѣки, я заблудился въ дремучемъ лѣсу и рѣшилъ переночевать въ попавшейся мнѣ пещерѣ. Опасаясь попасть въ берлогу или логовище какого либо хищнаго звѣря, вой которыхъ раздавался по лѣсу, я сначала помаhalъ костылемъ въ пещерѣ и, убѣдившись въ безопасности, нащупавъ даже насланное сѣно, помѣстился въ ней и провелъ остатокъ ночи. По утру, выйдя изъ пещеры и увидавъ, что мѣстность эта неподалеку поста Гимръ, который уже былъ мнѣ видѣнъ, я долго прислушивался—не забьютъ ли зарю. Не дождавшись ея, я подумалъ, не снятъ ли военный постъ отсюда, и потому былъ въ крайнемъ недоумѣніи, на что рѣшиться, такъ какъ еслибы оказалось, что постъ снятъ, то аулъ Гимры, чрезъ который неизбѣжно мнѣ идти, выдалъ бы меня, чтобы не навлечь мщенія аула Бетлети. После я узналъ отъ поляка, который вмѣстѣ со мною былъ въ

плѣну, что погоня за мною не ограничивалась однимъ тѣмъ вечеромъ, а возобновилась съ большою настойчивостью и по всѣмъ направленіямъ на другой день, и только трудность напасть на мой слѣдъ, а также предположеніе, что съ больною ногою я не могъ уйти далеко, заставляя ихъ дѣлать болѣе тщательные розыски поблизости, спасли меня. Но едва только успѣлъ я переправиться чрезъ Сулакъ, какъ погоня началась, наконецъ, на мой слѣдъ. Отыскавъ на томъ берегу Сулака брошенную мною шинель и, привезя ее въ свой аулъ Бетлети, горцы вывели плѣннаго поляка и въ глазахъ его, для острастки, въ куски ее изрубили, показывая тѣмъ, что такъ бы они поступили и со мною, еслибы меня настигли, да такъ поступятъ и съ нимъ, если только онъ покусится на побѣгъ.

Долго ожидая барабана и думая, что военный постъ уже снятъ съ этой мѣстности, такъ какъ рыскавшіе повсюду шайки Шамиля могли заставить стянуть мелкіе наблюдательные наши отряды, я несказанно обрадованъ былъ звукомъ рожка горниста, заигравшаго сборъ на ученье. Не долго думая, я поспѣшилъ къ Сулаку. Стремительный потокъ рѣки, крутые обрывистые берега долго не давали мнѣ мѣста переправиться, однако, и медлить было опасно. Выбравъ, наконецъ, болѣе другихъ удобное мѣсто, я сбросилъ шинель, привязалъ вмѣстѣ съ папахою бѣлье и сапоги на голову и, перекрестившись, рѣшился идти въ рѣку. Едва только зашелъ я по колѣно въ холодную какъ ледъ воду, какъ въ болевой ногѣ открылась ломота и стрѣляющая боль, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась невыносимѣе, такъ что, наконецъ, стало захватывать у меня дыханіе; а дѣлать нечего—надобно было идти все далѣе и далѣе и погружаться все глубже и глубже. Силясь перебраться выше лежащаго среди русла рѣки большого камня, съ котораго вода падала водопадомъ, я сбитъ былъ и переброшенъ волною чрезъ этотъ камень прямо въ водоворотъ. Съ боль-

шимъ усиліемъ вынырнувъ изъ воды, я чуть не задохся подъ ремнемъ, которымъ подвязана была подъ бороду папаха съ сапогами и бѣльемъ. Я сдѣлалъ послѣднее усиліе освободиться отъ папахи—и окончательно обезсилѣлъ. Руки отъ напряженія и холода одеревенѣли—и я отдался на волю теченія безъ всякой уже надежды спастись. Около версты несли меня волны куда хотѣли. Наконецъ, взглянувъ на небо, вспомнивъ Бога, вспомнивъ мать и мысленно прося ея молитвъ, я почувствовалъ какое-то свѣтлое осященіе и силу: погрузившись на дно при поворотѣ рѣки, я поцалъ здоровою ногою на камень и такъ сильно оттолкнулся ею, что выброшенъ былъ на берегъ. Здѣсь въ изнеможеніи я довольно долго лежалъ; потомъ въ тѣлѣ появилась страшная испарина и открылась рвота отъ безмѣрно проглоченной воды. Послѣ того вдругъ охватило меня такимъ ледянымъ вѣтромъ съ горъ, что я весь закоченѣлъ; однако, собравъ послѣднія силы, я побрелъ къ аулу, въ разстояніи 1½—2-хъ верстъ, и, замѣтивъ неподалеку садъ, огороженный живою изгородью колючки, направился прямо къ нему. Здѣсь я увидѣлъ татарина, занятаго уборкою кукурузныхъ стеблей. Онъ страшно перетрусилъ, думая, что предъ нимъ стоитъ привидѣніе или самъ шайтанъ, но я сказалъ ему кто я и откуда и попросилъ поскорѣе согрѣть и во что нибудь одѣть меня. Онъ повелъ меня въ устроенный въ саду шалапъ, гдѣ была жена его, разведенъ былъ огонь и готовилась обыкновенная татарская пища хинкалъ. Меня одѣли въ черкеску и посадили къ огню. Отогрѣвшись, я попросилъ пить, но татарка, узнавъ что я третьи сутки ничего не ѣлъ, дала мнѣ съѣсть двѣ галушки. Истошавъ до крайности, я едва могъ проглотить ихъ, и то съ помощью воды. Кое-какъ прійдя въ себя, я поручилъ татарину заявить обо мнѣ начальнику поста, чтобы взяли меня, но, подумавъ, спохватился: татаринъ могъ и не исполнить моего порученія, а рассказать обо мнѣ въ аулѣ и затѣмъ, по общему совѣту, или самъ воспользо-

ется мною, продавъ меня въ первую же ночь въ отдаленнѣйшій аулъ, или же выдастъ въ прежнѣй аулъ моему бывшему хозяину, на основаніи обычая возвращать хозяину найденную вещь, а потому рѣшилъ идти самъ, съ татаркою, сначала въ аулъ, а оттуда къ начальнику. Но едва я вышелъ изъ ея сакли, одѣтый уже поверхъ черкеси въ тулупъ, какъ посланная за мною команда встрѣтила меня. Солдаты подхватили меня подъ руки и повлекли къ начальнику поста поручику Белизартову, который, выслушавъ подробности плѣна и побѣга и отославъ меня въ общую сборню, приказалъ набить на меня колодки. Я объяснилъ исполнителю этого приказанія, что и безъ колодокъ едва могу ходить, что меня въ командѣ этой знаютъ такой-то и такой-то и что я имѣю георгіевскій крестъ. Только этимъ и избѣгъ колодокъ. По докладѣ моего объясненія начальнику, онъ самъ явился въ сборню и извинился, говоря, что подобныя предосторожности необходимы: не далѣе какъ дня четыре назадъ явился одинъ подъ именемъ донскаго казака, назвалъ себя тоже выходцемъ изъ плѣна, прожилъ нѣсколько дней, узналъ подробно количество войска, снарядовъ и запасовъ—и опять скрылся; потомъ оказалось, что это былъ лазутчикъ Шамиля.

Переночевавъ здѣсь двѣ ночи и снабдившись сборомъ—отъ кого рубашкою, отъ кого портянками, отъ кого другимъ бѣльемъ и сапогами, а равно старою солдатскою шинелью, я просилъ коменданта отправить меня подъ конвоемъ въ мѣсто постояннаго расположенія Аншеронскаго полка въ Темиръ-Ханъ-Шуру, отстоящую верстъ на 40. Такъ какъ отъ безсилія, ранъ, разныхъ царапинъ и опухоли въ ногахъ я не могъ идти пѣшкомъ, то просилъ его нанять мнѣ у кого либо изъ татаръ лошадь, а когда онъ сказалъ, что на это у него нѣтъ денегъ, отвѣтилъ: „да ужъ деньги я какъ нибудь добуду.“ Прийдя на сборню, въ команду, я обратился ко всѣмъ: „братцы, мнѣ нужно отправляться въ свой полкъ, въ

Темиръ-Ханъ-Шуру; пѣшкомъ идти, какъ вы видите сами, гдѣ же мнѣ, а нанять лошадь неначто; выручите, пожалуйста!“ Тотчасъ же, у кого что было—у кого гривна, у кого двѣ, у кого цѣлая полтина, у кого нѣсколько копѣекъ—наметали мнѣ безъ всякихъ словъ и возраженій около двухъ рублей серебромъ, а одинъ унтеръ-офицеръ, Петровъ, служившій прежде со мною вмѣстѣ въ учебной командѣ, отдалъ мнѣ послѣдній свой рубль ассигнаціями безвозвратно. Вернувшись съ собранными деньгами къ коменданту, на вопросъ его, гдѣ взять деньги, я отвѣчалъ—у солдатъ его команды. „А какъ же при опросѣ они мнѣ говорили, что ни у кого никакихъ денегъ нѣтъ?“ — „Да оно, пожалуй, и правда, ваше благородіе, потому что собранныя мною копѣйки едва ли и можно считать деньгами,“ говорю я. Нанявъ верховую лошадь за 1 рубль 50 копѣекъ серебромъ у одного татарина, радешенькаго спроводить ее съ глазъ на время ожидаемой со дня на день шайки Шамиля, которая безъ всякаго разговора могла завладѣть ею, на другой день комендантъ отправилъ меня подъ конвоемъ 12-ти солдатъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Отъѣхавъ отъ Гимрѣ верстѣ 10, мы повстрѣчали пристава Ангелова, который, по случаю ожидаемаго съ часу на часъ набѣга Шамиля, спѣшилъ снять всѣ мелкіе военные посты. Онъ отдалъ приказаніе какъ можно скорѣе спѣшить, такъ какъ передовые изъ шайки Шамиля начинаютъ уже появляться въ аулахъ, расположенныхъ на нашемъ пути. Пѣшій конвой мой сложилъ всѣ шинели на мою лошадь, но какъ мы ни спѣшили, по труднымъ горнымъ дорогамъ едва-едва успѣли добраться, и то уже ночью, къ аулу Эрчели, въ 10-ти верстахъ Темиръ-Ханъ-Шуры, гдѣ и остановились на этапномъ дворѣ, съ краю аула, у сакли преданнаго русскимъ татарина. Увидалъ онъ насъ—да такъ и ахнулъ: въ аулѣ уже находились мюриды изъ шайки Шамиля. Спряталъ онъ насъ въ верхній этажъ, лошадь мою поставилъ въ подвалъ, снабдилъ водою и дровами для вар-

ки пищи изъ имѣвшихся съ нами припасовъ и строго-на-строго наказалъ намъ быть какъ можно тише и не показываться изъ своего помѣщенія, а, главное, не сходить въ нижній этажъ сакли, чтобы не попасться на глаза кому либо изъ постороннихъ жителей аула, которые тотчасъ могли выдать насъ—тогда бѣда и ему самому. Мы поужинали наскоро свареною кашницею и поставили двоихъ на часы—одного у дверей, другого у очага, поручивъ поддерживать въ немъ огонь всю ночь на случай нападенія, а также для того, что если одинъ заснетъ, другой можетъ не спать; затѣмъ, закрывъ дверь и единственное окно, чтобы нельзя было видѣть огня снаружи, улеглись спать. Еще далеко до разсвѣта разбудилъ насъ хозяинъ, выпроводилъ на дорогу и посоветовалъ идти окольнымъ путемъ мимо аула. Такимъ образомъ мы благополучно добрались, часу въ 9-мъ утра, до крѣпости Темиръ-Ханъ-Шуры. Не доходя ея версты полторы-двѣ, конвой мой расположился отдыхать. Озябши верхомъ въ одной старой солдатской шинели, а также отъ нетерпѣнія я выпросился у конвойныхъ ѣхать впередъ. У воротъ крѣпости, вижу, на часахъ ходитъ бывший солдатъ моего капральства Головановъ. Не желая, изъ любопытства, сразу сказываться кто я—узнаетъ ли онъ меня въ отросшей бородѣ, съ бритою наголо головою, исхудалаго, усталаго и измученнаго, не имѣющаго почти никакихъ военныхъ признаковъ ни въ осанкѣ, ни въ пріемахъ, одѣтаго наполовину военнымъ, въ старую шинель, наполовину во что попало, съ татарскою шапкою на головѣ, однимъ словомъ, похожаго болѣе на татарина, чѣмъ на солдата—я обратился къ нему, часовому: „служивый, можно тутъ за столбокъ привязать лошадь?“—„И те привяжу вотъ прикладомъ-то.“—„Ну а къ плетню можно?“—„Къ плетню привяжи, такъ и быть.“ Привязавъ лошадь, я отправился въ караульную сборню. На спросъ мой, кто дежурный по караулу, выходитъ коротко знакомый и хорошо знающій меня

унтеръ-офицеръ Никитинъ. Не желая и ему сразу открыться, я началъ объяснять, что я бѣжавшій изъ плѣна оттуда-то, взятый въ плѣнъ тамъ-то и тогда-то и такъ далѣе, по порядку, въ общихъ чертахъ. Разговаривая такимъ образомъ съ нимъ и съ другими любопытствовавшими и коротко знавшими меня солдатами довольно долго, я вдругъ спросилъ: „Григорій Петровичъ, неужто ты меня до сихъ поръ не узнаешь?“ Тотъ, слыша знакомый голосъ, но все еще не узнавая, такъ и обомлѣлъ. Наконецъ, всматриваясь пристальнѣе мнѣ въ лицо, какъ вскрикнетъ: „Онисимовичъ, неужто это ты?!“ — „Какъ видишь.“ Сначала всѣ отъ изумленія разинули рты, потомъ одинъ по одному бросились цѣловать и обнимать меня, ну а дальше—я уже не умѣю и рассказать. Всѣ сбѣжались смотрѣть на меня какъ на какое чудо, каждый бросался въ объятія, у всѣхъ были слезы на глазахъ. Помню только какъ унтеръ-офицеръ Никитинъ, отворивъ дверь караулки, закричалъ на часового Голованова: „какъ же это ты своего капральнаго-то хотѣлъ было прикладомъ?“ Тотъ, струсивъ и остолбенѣвъ, не понимая въ чемъ дѣло, отозвался: „какого капральнаго?“ — „Онисимовича!“ — „Какого Онисимовича?“ — „Рябова.“ — „Когда, гдѣ?“ — „А это кто?“... показывая меня изъ двери. Тотъ такъ и остолбенѣлъ, опустилъ ружье: „вотъ такъ такъ!“ Дежурный унтеръ-офицеръ тотчасъ же распорядился, по просьбѣ моей, принести отъ каптенармуса бѣлье, шинель, сапоги и фуражку, такъ какъ всю данную мнѣ въ Гимрахъ одежду нужно было возвратить.

Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ крѣпость и мой конвой. Старшій конвойный тотчасъ повелъ меня сдавать къ коменданту крѣпости, полковому нашему командиру Майбородѣ. На вопросъ кто я и откуда, я отвѣчалъ: унтеръ-офицеръ вѣреннаго ему полка, взятый въ плѣнъ тамъ-то и бѣжавшій изъ плѣна; на вопросъ же какой роты, я отвѣчалъ: „да теперь не знаю какой, а былъ одиннадцатой.“ — „Да вѣдь ваша рота вся

погибла въ Цатаныхѣ?“ — „Точно такъ, и на моихъ глазахъ; но меня-то пока Богъ сберегъ одного.“ Замѣтивъ, что я переминаюсь съ ноги на ногу, онъ спросилъ, что со мною, и, узнавъ, что я раненъ, тотчасъ же схватилъ стулъ и подаль мнѣ его самъ, сказавъ — „садись.“ Затѣмъ заставилъ меня рассказать всѣ подробности боя въ Цатаныхѣ, моего плѣна и побѣга, съ начала и до конца, по порядку. Дослушавъ до разсказа, какъ я переплывалъ рѣку Сулакъ, лицо его дрогнуло, въ глазахъ показались слезы и, чтобы скрыть волненіе, онъ вышелъ въ другую комнату. Вернувшись назадъ и дослушавъ разсказъ до конца, далъ мнѣ рубль серебромъ, сказалъ: „на тебѣ на сало“ — и приказалъ адъютанту отвести меня къ начальнику дивизіи генералу Клугенау. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ отпустить мнѣ изъ полкового цейхгауза всю военную обмундировку не вчетъ и даже лучшую, тонкаго сукна шинель.

Не такой пріемъ ожидалъ меня у генерала. Едва только онъ выслушалъ кто я и откуда, какъ закричалъ: „Ты врешь, ты бѣжалъ самъ къ черкесамъ! Какъ могъ ты остаться живымъ, когда весь вашъ отрядъ истребленъ?!“ ... На это, конечно, я отвѣчалъ его превосходительству, что такъ, вѣрно, угодно Богу, что дѣйствительно всѣ погибли, а я остался живъ. Выслушивая разсказъ какъ было дѣло и не дождавшись конца штурма, онъ вдругъ спросилъ: „А живъ ли начальникъ отряда капитанъ Дементьевъ?“ И разсказалъ какъ Дементьевъ взятъ былъ на моихъ глазахъ въ плѣнъ и какъ, по полученному мною въ плѣну свѣдѣнію, онъ убитъ, но генералъ опять закричалъ на меня: „Врешь, я слышалъ отъ вышедшаго изъ плѣна донского казака, что онъ живъ!“ На это я могъ только отвѣтить, что въ отрядѣ нашемъ ни одного казака и не было. — „Хорошо; я узнаю все, и если окажется неправда — велю тебя прогнать сквозь строй. Пошелъ!“ Послѣ столькихъ мученій горько было выслушать обѣщаніе такой

награды. Когда генералъ обернулся, слезы полились у меня ручьемъ и я могъ только проговорить про себя: Боже мой, Боже мой, за что же все это?!...

Возвратившись со мною опять къ полковому командиру, адъютантъ передалъ ему подробно сдѣланный мнѣ генераломъ допросъ, добавивъ, что Рябовъ на все отвѣчалъ ему молодцомъ, и какъ ни старался сбить его генералъ, онъ на все рѣзалъ ему какъ по писанному. Затѣмъ полковой командиръ приказалъ записать меня въ лучшую въ полку гренадерскую роту, а когда я ему сказалъ, что за полученными мною ранами я едва ли могу быть годенъ къ строевой службѣ, онъ отвѣтилъ: „по мнѣ—хоть на боку лежи, да будь въ ней; въ ней должны быть всѣ лучшіе люди.“ Но за послѣдовавшею вскорѣ кончиною этого любимаго командира (онъ застрѣлился), менѣе чѣмъ черезъ годъ, я переведенъ былъ, за неспособностью, въ подвижную инвалидную команду № 97, откуда чрезъ пять почти лѣтъ назначенъ въ ставропольскую комисаріатскую комисію и оттуда уже, съ званіемъ старшаго вахтера, въ 1857 году, уволенъ въ безсрочный отпускъ.

Странно: хотя я и зачисленъ комитетомъ о раненыхъ пенсіонеромъ на пособіе по 3-му разряду, съ 24-го октября 1877 года, получая каждый мѣсяцъ общаго для отставныхъ нижнихъ чиновъ пособія 3 рубля, на раны 4 рубля да на орденъ св. Георгія 90 копѣекъ въ годъ, но не удостоенъ при отставкѣ установленнаго за 20-ти-лѣтнюю службу въ строю ордена св. Анны 4-й степени, а въ указѣ объ отставкѣ не упомянуто не только о двухмѣсячномъ моемъ плѣнѣ, но даже объ участіи моемъ въ защитѣ укрѣпленія Цатаныхъ; сказано только, что я раненъ ружейною пулею въ бедро при движеніи къ крѣпости Темиръ-Ханъ-Шуръ, тогда какъ подобнаго столкновения съ горцами никогда не было, но крайней мѣрѣ я не

помню. Еще при переводѣ меня изъ полка въ инвалидную команду я замѣчалъ писарю, почему не помянуто въ формулярѣ о моемъ плѣнѣ; онъ на это сказалъ, что объ этомъ лучше молчать, иначе въ бѣду попадешь: сочтутъ еще, что ты добровольно передался горцамъ и потомъ оттуда опять выбѣжалъ. Напуганный суровымъ пріемомъ и угрозами генерала Клугенау, я такъ и не рѣшился поправить мой формуляръ.

Женившись въ 1848 году, въ той же крѣпости Темиръ-Ханъ-Шурѣ, на такой же горемыкѣ, какъ и я самъ—солдатской дочери Матренѣ Кондруцевой не разъ не только видѣвшей и въ замужествѣ, и еще въ дѣвичествѣ своемъ тревоги кавказской военной жизни, но и нерѣдко принимавшей участіе въ отраженіи непріятельскихъ нападений на крѣпость то съ косою въ рукахъ, то съ другимъ какимъ либо подобнымъ оружіемъ, коротаемъ теперь вѣкъ свой вдвоемъ въ гор. Ставрополѣ, не покладая доселѣ рукъ въ снисканіи скромнаго пропитанія, въ собственномъ своемъ куренѣ. Не во всемъ радостная доля выпала намъ съ нею и въ супружествѣ. Правда, Богъ благословилъ насъ двумя сыновьями и одною дочерью; чего, кажется, желать? Но не судилъ Онъ вполне насладиться ихъ счастьемъ. Дождавшись ихъ возраста и давъ имъ соотвѣтственное своему положенію воспитаніе, выдавъ въ приличное для себя замужество дочь за военного писаря, который теперь уже кандидатомъ на офицерскій гражданскій чинъ, женивъ старшаго сына съ скромною, но достаточною его положенію обстановкою, ожидая вскорости видѣть и его въ гражданскомъ чинѣ, на службѣ по управленію инородцами, опредѣливъ и второго сына на службу по этому вѣдомству, мы видѣли въ будущемъ одни утѣшенія и радости. Но не такъ судилъ рокъ. Провидѣнію угодно было еще разъ послать намъ тяжкое испытаніе: одинъ разъ старшій сынъ нашъ, Семенъ, отправившись, 21-го августа 1876 года, съ товарищами на

охоту въ растущій близъ города лѣсъ, на другой день найденъ былъ съ перерѣзаннымъ горломъ, среди почти самаго города. Не берусь рассказать, что было съ нами, стариками, и его молодою женою—языкъ безсиленъ выразить всю полноту постигшаго насъ горя, которое такъ и идетъ съ нами на закатѣ нашихъ дней.

Сообщилъ *А. Державинъ*.

